БАЛАКОВСКИЕ ВЕСТИ
№ 38 от 23 сентября 2014 г.

К 100-летию начала Первой мировой войны

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

Продолжение. Начало в № 3

ГЛАВА 7
На чужбине

27 сентября 1915 года в Балаково прибыли первые 250 беженцев, на следующий день ещё 100. В основном это были жители Гродненской губернии (сейчас это территория Белоруссии) и по национальности латыши, немцы и украинцы. Предполагалось, что беженцев будет до 7 тысяч, но к концу года их количество не дотянуло и до тысячи. Это объяснялось тем, что железной дороги в Балакове не было, пассажирский сезон для пароходов уже заканчивался, а по грунтовым дорогам накануне зимы далеко не уедешь. Впрочем, и без того хлопот у немедленно созданного «беженского» комитета оказалось предостаточно.

Беженцы

Во-первых, необходимо было всех беженцев где-то разместить. С грехом пополам это сделать удалось. Места на первых порах хватило на всех: по привычному для русских закону «в тесноте да не в обиде». Но когда количество беженцев перевалило за 500, балаковцы задумались, куда их девать. На общем, «беженском», собрании местной властью было предложено копать землянки. Беженцы сначала отнеслись к этой идее скептически, но когда им объяснили, что это будут практически настоящие квартиры, только под землёй, то многие из них согласно закивали головами. Был ли этот подземный городок построен, информацию об этом отыскать пока не удалось. Известно лишь, что часть беженцев, хоть и незначительная, переселилась в ближайшие сёла.

Вторая проблема, которую пришлось решать незамедлительно, – питание. Одна столовая в Балакове уже была – при Народном доме. Но, чтобы всех прокормить, нужно было срочно строить вторую. А пока беженцы получали от общеземского и городского союзов пищевые 20 копеек на человека в день. Этого им вполне хватало, и они не роптали. Но как только деньги заменили всеобщим кормлением с «горячим», некоторые стали высказывать недовольство.

«Оставшиеся у нас беженцы, большей частью немцы и латыши, оказались людьми очень капризными, – писал балаковский корреспондент в «Саратовском листке». – Начались разные претензии, что не сытно, не вкусно и прочее, и всё это кончилось требованием восстановления денежной выплаты, чтобы иметь возможность готовить по своему вкусу. Так как последнее не допускается по правилам, то комитет намерен применить выдачу пайка продуктами, а людей трудоспособных и вовсе лишить выдачи».

Ещё один «каприз», с которым справиться было нелегко, – нежелание соблюдать санитарно-гигиенические нормы. Когда (уже в октябре) беженцам предложили бесплатно посетить местные бани, многие из них не пожелали этим воспользоваться, объясняя тем, что никогда в банях не мылись и мыться не намерены. Оно вроде и понятно: другие люди – другие нравы, но эта упёртость привела к неизбежным болезням.

Уже в начале декабря среди беженцев началась эпидемия брюшного и сыпного тифа. Необходимо было срочно принимать меры, чтобы остановить болезнь, но медицинского персонала не хватало.

«Имеющиеся в городе два земских врача перегружены работой, – сокрушался «Саратовский листок». – Ещё женщина-врач, приглашённая специально для лазаретов раненых, борьбой с тифом среди беженцев, конечно, заниматься не может. Могла бы и даже должна бы была взять это на себя другая женщина-врач Болховитинова, специально для беженцев приглашённая от земского союза. Но она отказывается, уверяя, что это не входит в круг её обязанностей. Все доводы городской комиссии по этому поводу успеха не имеют. Болховитинова стоит на своём и не берёт на себя борьбу с тифом. В конце концов, это ложится на плечи земского врача Решетниковой. Комиссия обратилась уже к земскому союзу с просьбой принудить Болховитинову взять на себя борьбу с тифом, но пока идёт переписка да выяснения, тиф своё дело делает».

Несмотря на все сложности, балаковским врачам всё-таки удалось справиться с болезнью, и к концу года она пошла на спад.

Между тем, наступившая зима принуждала заниматься и снабжением беженцев тёплой одеждой и обувью. Эту заботу взял на себя Татьянин комитет.

В первую очередь он взялся за приобретение валенок. Нужда в них была так велика, что всех снабдить этой простой, но эффективной обувью было невозможно. Тем более, что цена на неё выросла почти в два раза: с трёх с полтиной-четырёх до семи с половиной рублей. Волей-неволей приходилось экономить и выдавать, например, детские валенки по одной или по две пары на семью, имеющую 5–7 детей.

А с тёплой одеждой вообще была беда. Единственное, на что хватало средств, выделяемых из центра, так это на приобретение материи для белья, а уж из неё беженцы шили себе всё сами по своим размерам. Но это тоже доставалось далеко не всем – только самым обделённым. А накануне новогодних праздников все дети беженцев получили сладкие подарки, но они покупались уже на личные средства балаковцев.

Если в Балакове обстановка среди беженцев была более или менее спокойная, то в некоторых других местностях Самарской губернии иногда возникали бунты. Один из них произошёл в Самарском уезде на станции Погрузной в районе села Кошки. Здесь должны были принять более трёхсот беженцев, чтобы развезти их по разным ближайшим сёлам. Однако вынужденные переселенцы отказались выходить из вагонов. До них дошли слухи, что здесь нормальные условия для них созданы не будут, а вот в Рузаевке их якобы ждут и еда, и тёплая одежда, и обувь. Попытка высадить беженцев силой, с помощью конно-полицейской стражи, натолкнулась на яростное сопротивление: беженцы подняли крик, вооружились кольями и поленьями и готовы были стоять на своём до конца.

Чем завершилось это противостояние, архив пока умалчивает. Но, скорее всего, беженцев удалось уговорить.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует